

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Русский язык – язык мой.....	7
Функциональные стили современного русского языка.....	29
Научный стиль.....	29
Официально-деловой стиль.....	33
Газетно-публицистический стиль.....	35
Разговорно-обиходный стиль.....	39
Нормы грамматики	42
Нормы ударения и произношения.....	56
Об ударении в именах существительных.....	56
Об ударении в именах прилагательных.....	61
Об ударении в глаголах	62
Об ударении в причастиях	63
Усвоение литературных произносительных норм.....	65
Гласные в безударных слогах	65
[И] в начале слова.....	67
Звонкие и глухие согласные	68
Твердые и мягкие согласные	69
Сочетания согласных	70
Произношение отдельных грамматических форм	72
Русские имена, отчества и фамилии (правила употребления).....	73
Речевое общение.....	84
Основные единицы речевого общения.....	84
Организация вербального взаимодействия.....	88
Эффективность речевой коммуникации	91
Доказательность и убедительность речи. Основные виды аргументов.....	94
Невербальные средства общения.....	96
Культура речи и публичное выступление.....	98
Служебные документы: типология, образцы, языковое оформление.....	100
Заключение	117
Литература	118
<i>Приложение 1. Рекомендации словоупотребления</i>	<i>119</i>
<i>Приложение 2. Словарь часто употребляемых иностранных слов</i>	<i>127</i>

Жене моей,
Масловой Зое Васильевне, посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Человек есть продукт речевого общения. В процессе расширения сфер и задач речевого общения (мать и дитя – братья и сёстры – семья – сверстники – учитель и ученики – школа – друзья по интересам – производственная и общественная деятельность) происходит развитие личности как субъекта общения, становление характера, формируются навыки самовключения в различные системы социальных отношений и сфер общественной производственной деятельности. При этом усваиваются исторически сложившиеся нормы поведения и морально-этические принципы своей семьи, своей социально-этнической группы, своего народа. Интуитивное осознание необходимости соблюдения языковых норм и правил речевого этикета является своего рода фундаментом дальнейшего усвоения общих правил этикета: *«Говори так, чтобы тебя поняли. – Отвечай на том же языке, в той же тональности, в которой к тебе обратились. – Поступай по отношению к другим так, как бы ты желал, чтобы они поступили по отношению к тебе. – Умей понять собеседника. – Научись слушать речь собеседника. – Пойми слова и действия другого человека»*.

Можно без преувеличения сказать, что личностные качества человека в очень значительной мере есть суммарный результат количества и качества речевого общения, качества той речевой среды, в которой он воспитывается, живёт и работает. И не случаен авторитет аксакала и хаджи, за время путешествия впитавшего в себя мудрость исламского Востока. А с каким вниманием слушали на Руси рассказы паломников и странников! Ничто не

может заменить непосредственного живого общения с живым собеседником! Подлинная жизнь человека – в общении с другими людьми, в постоянном приобщении к **со-знанию**, к **со-вести**, т.е. коллективному знанию, социальному опыту. Не будет этой и так называемой внешней жизни, заглохнет и жизнь внутренняя. Все мы, и каждый из нас, собираем свой пантеон личности, с которым когда-то приходилось общаться.

Лишь посредством речевого общения осуществляется самосохранение и саморазвитие языка, как среды обитания данного народа. Оскудевает речевое общение на данном языке, оскудевает язык, важнейший признак и самое драгоценное достояние данного народа, духовно оскудевает и народ. Язык, на котором не происходит речевого общения, мёртв.

Весь XVIII век и первая половина XIX ознаменованы интенсивным обогащением общерусского языка заимствованной лексикой, усложнением за счёт новых словосочетаний, калькированных с европейских языков. В его структуру включались новые элементы, способствовавшие развитию самого языка. В качестве примера, ограничиваясь системой фонем, укажем на то, что именно в заимствованной лексике материально проявилась корреляция заднеязычных согласных, особенно [г] по мягкости/твёрдости: Гяур, Гёте, Гюго и др. В результате сложилась динамичная, открытая для новых элементов система, которая постоянно обогащается и преобразуется с включением в неё всё новых социальных и национальных коллективов. Эта система спустя длительное время оказалась способной принять на себя функцию межнационального средства общения в новых социальных условиях. Вместе с тем изменялась и социолингвистическая структура языка под влиянием других языков.

Развитие русского языка, особенно в наше время, осуществляется по пути усложнения структуры и упрощения его системы. Так, в русском языке изменились безударные гласные после мягких согласных. Уровень системы требует, чтобы все гласные в этой позиции (после мягких согласных) совпадали в одном гласном, и, как нетрудно заметить, только *иканье* соответствует системному заданию: [р'и]ка – река, [п'и]так – пятак. Однако

наряду с *иканьем* возможно *еканье*, *ёканье*, *яканье* и т.д. Заметим, что лишь *ёканье* ограничено территориально.

Иканье – завершающий этап развития тенденции к совпадению всех безударных гласных в одном, *еканье* – предшествующий ему этап, т.е. сначала было [р'е]ка, [п'е]так. Современное *иканье* сменило *еканье* буквально на наших глазах – это 30-е и особенно 50-е годы XX века. *Еканье* как норма произношения уже полвека тому назад стала просторечной. Но в речи современного интеллигента, стремящегося различать высокий и низкий стили речи, слово **дерзать** отличается в произношении от **держи**. *Еканье*, как ни странно, автоматически становится элементом высокого стиля.

Наблюдения показывают, что один и тот же факт, рассмотренный с разных точек зрения, требует каждый раз нового толкования. Так, с точки зрения системы языка полноправен один вариант – *иканье*, с точки зрения стилей – два: *иканье*, *еканье* и т.д.

Великую ценность умения хорошо говорить прекрасно осознавали ещё древние. В наше же время оскудение речевой культуры достигло такого уровня, что русский «оратор», как правило, читает свою речь по бумажке.

Носителем литературного языка в обществе всегда является определённая группа писателей и учёных, профессоров и учителей – потомственная интеллигенция, сохраняющая и умножающая литературно-художественные, научные и учебные тексты на данном языке.

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК МОЙ

Рассуждая о состоянии и роли какого-нибудь языка, справедливо исходить из принципиального тезиса о том, что все языки имеют безграничные возможности развития и представляют неповторимую и незаменимую ценность для своего народа. Этому не противоречит тот факт, что в каждый данный момент история общества, история мира, отвечая задачам межнационального и международного общения, выдвигает какие-то языки в качестве посредников между различными народами. Посредническая роль предполагает особость и избирательность реализуемых при этом функций. Наиболее принятые для обозначения таких функций понятия – «иностранный язык», «международный язык», «язык межнационального общения» – отражают скорее учебно-педагогическое, отчасти административно-государственное, нежели собственно функциональное их содержание. Строго говоря, за ними не стоит определённый лингвистический смысл.

Функционирование языка обычно понимается двояко: его распространение, бытование на различных территориях и использование его, применение в тех или иных ситуациях общения. Многозначен и термин «функция»: интралингвистически он обозначает «язык в действии», его устройство, а интерлингвистически – его употребление, применение, широко понимаемую стилистику. В социолингвистике функция языка обычно определяется как практическое применение сущности языка, реализация его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой.

Понятие «функционирование языка», тесно увязываясь с функциями, не сводится к их сумме: «...имеется в виду выполнение языком его функций при определённом его состоянии, в определённых областях общественной жизни (средах и сферах употребления), при определённых условиях социально-экономического и культурного развития данного народа» [1].

Функционирование применительно к языковым единицам предполагает актуализацию их потенций для реализации наме-

чаемых в речи целей и включает их взаимодействие с окружающей средой, в которой язык-система выполняет свою функцию [5]. Внутренняя организация языковой системы, обеспечивая функционирование языка как орудия мышления и общения, связана с распределением единиц языка по уровням и разными аспектами взаимосвязанности и взаимодействия уровней. Понять функционирование языка нельзя, не изучая его развития, непосредственно связанного с ролью языка в обществе.

Различие функционирования языка и его развития в ходе использования, применения отличает язык от других знаковых систем. Целесообразным представляется лингвистический и методический анализ интерлингвистического понимания функционирования языка. Собственно, и в интралингвистике сейчас наблюдается «экспансия» – вовлечение в круг рассмотрения всё новых, преимущественно экстралингвистических, объектов: зависимость структур от их контекстов, взаимосвязь лингвистических значений и знаний со значениями и знаниями реальной действительности, т.е. изучение правил построения речи, выявление условий и способов речевой реализации в разной обстановке, характеристика говорящих и т.д. Вообще нынешний этап развития языкознания увязывается с функциональным рассмотрением отношений в языке.

* * *

Функционированию русского языка в смысле его распространения за пределами исконной территории и приобретению им статуса языка межнационального и международного общения способствуют разнообразные собственно лингвистические и экстралингвистические факторы: привлекательность русской мысли и русской культуры, общечеловеческий интерес к России, внутренние качества, богатство и выразительность самого языка и многое другое. Не останавливаясь особо на характеристике этих известных факторов, укажем лишь на такие признаки языков широкого употребления, как глобальность распространения, охват разных географических точек, сознательность принятия, специфика общественных функций.

Конечно, распространение языка и созданной на нём литературы в мире связано с международным авторитетом страны. Качества, делающие язык особенно пригодным для международного общения, проявляются не в грамматической структуре или фонологической доступности, а в его информационной ценности, коммуникативном удобстве. Не безразличны также и собственные достоинства языка: объективно лингвистические и духовно-субъективные – образ, эстетика языка. «Чужой язык, – писал А.С. Пушкин, – распространяется не саблею и пожаром, но собственным обилием и превосходством».

Многие авторитеты, и не только те, для кого русский язык родной, отмечали его самобытность и красоту, богатство словаря, гибкость грамматики, выразительную силу и благозвучность. Лингвистическая сторона, как показывают исследование и опыт изучения таких языков, как английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, русский, несомненно, поддерживает распространение и функционирование языка, являясь причиной возникновения широкого интереса к нему. Занятия русским языком в определённой мере расширяют логику мышления и особенно чувство вкуса и красоты.

Однако справедливо и то, что понятие «эстетические ценности» представляет собой категорию весьма относительную и порождённую в большей мере субъективным восприятием и оценкой. Несмотря на субъективизм таких оценок они содействуют созданию положительного образа русского языка и могут использоваться в практической деятельности. Поэтому целесообразны поиски ответов на вопросы, что именно совпадает в понимании «красоты» языка у русских и иностранцев, а что нет, какую роль играет эстетика языка во взаимоотношениях родного и иностранного языков, на чём она базируется и др.

На восприятие другого языка и на оценки его вхождения в «клуб мировых языков» действуют и иные обстоятельства, в том числе представление о его лёгкости/трудности (русский язык, к сожалению, пользуется, во многом несправедливо, репутацией трудного), оснащённость учебного процесса, социально-политические стереотипы и многое другое.

Нынешняя картина бытования русского языка характеризуется продолжающимся, хотя и незначительным, ростом числа изучающих русский язык в развивающихся странах и весьма заметным, особенно после тенденций к спаду в начале 80-х годов, ростом их числа в развитых государствах – США, ФРГ, Испании, Италии и др. Демократические процессы в нашем государстве возбудили интерес к русскому языку в Южной Корее и других странах Тихоокеанского региона.

Положение с русским языком на сегодняшний день внешне выглядит нормально. По данным ООН, им владеет в той или иной мере около полумиллиарда человек.

Функционирование русского языка не только как языка исконных носителей, но и в качестве международного средства обмена информацией за пределами нашей страны, а также как языка межнационального общения на её территории, создаёт сложные, временами трудноразрешимые взаимоотношения. С одной стороны, язык, входящий в число широко используемых для межнационального и международного общения, даёт своим носителям очевидные преимущества. Они в конечном счёте сводимы к тому, что те, кому он родной, принадлежит с детства, оказываются в выгодном положении в межнациональной и международной жизни: им не надо тратить время и силы на его изучение. С другой стороны, очевидна относительность этого тезиса, ибо в клубе наиболее распространённых языков нет монополии одного члена, идут исторические перестановки, и даже британцы и американцы вынуждены учить иностранные языки. Ещё важнее то, что условия жизни и соображения такта в национальных отношениях, интересы их гармонизации заставляют представителей национального языка учить другие, не обязательно межнациональные языки своих партнёров по обществу. Вопрос чрезвычайно остро стоит, например, с русскими, постоянно проживающими в национальных республиках.

В содержательном отношении оценки русского языка нужно учитывать то, что он информационно ценен и коммуникативен, имеет прагматический акцент, выдвинувший утилитарное значение русского языка вместо традиционно первенствовавших

культурно-идеологического и культурного. Это ставит в центр обучения лиц, для которых владение русским языком есть дополнительное качество, помогающее профессии врача, учёного, политика и т.д. Иными словами, преобладает именно важнейшее средство международного языка – комплементарность, дополнительное владение им.

Однако, несмотря на распространение общения на русском языке среди учёных, транспортников, коммерсантов, а не только русистов по профессии и любителей, в целом он как язык-посредник несоразмерно меньше английского и некоторых других иностранных языков распространён в дипломатии, науке, массовой коммуникации и особенно в торговле, производстве, туризме, бытовых сферах международной жизни. Тут важно заметить, что по первородной природе языка именно в личной беседе, разговорном обмене фразами первой необходимости у людей создаётся восприятие данного языка как распространённого. Гораздо меньшее впечатление производят, вероятно, такие явления, как, например, русские аннотации в научных публикациях разных стран. Главное предназначение языка – быть средством общения, орудием не надстроечной, а инструментальной природы, что, разумеется, не отрицает сложности явления в целом: язык – ещё и практическое сознание, средство или форма мышления, хранитель национальной культуры, форма и в то же время её часть. Уходя сегодня от излишней идеологизации, русский язык начинает всё увереннее функционировать именно как средство общения.

* * *

Роль русского языка как средства международного и межнационального общения сказывается на самих внутренних его свойствах, обнаруживая как преимущества, так и издержки. Следствия воздействия на язык его интернациональной функции можно разделить на внешние, социолингвистические и внутренние, собственно лингвистические. Став средством прямых связей с иными культурными мирами и народами, выполняющая роль служебную, житейски практичную и необходимую

для жизни обширной многоязычной страны или мира, русский язык оказался под перекрёстным влиянием массы иноязычных лиц, пользующихся им и невольно направляющих его развитие, причём часто совсем не в лучшую сторону. Ведь количество и качество состава носителей языка, как давно заметили языковеды, – едва ли не главная пружина культивации или деформации языка. Иноязычные пользователи, т.е. люди иных языков и культур, пользующиеся русским, также участвуют в стимулировании динамики языка, привнося в него свои навыки из родной речи, а иногда и слова, конструкции, образы.

С расширением круга носителей язык количественно и качественно впитывает лингвистические достижения и находки других языков, обогащается, взаимодействуя с ними. Талантливые представители национальных языков и культур, хорошо владеющие русским языком, привносят в него слова и конструкции, выходя к их сути, к их первозданности, обновляя русский язык, возвращая многим русским словам свежесть и новизну. Без национальной языковой стихии мы бы не имели Шевченко и Гоголя, Айтматова и Табидзе. И дело не в национально окрашенных словах, а в демократизации, обновлении и освежении с этой позиции всего строя русского языка. Не вызывает сомнений обогащающая роль целенаправленной и талантливой переводческой деятельности.

Но в динамике развития языка межнационального и международного общения возможны и отрицательные влияния. На язык, его состояние воздействует, в частности, по справедливому замечанию Н.Н. Скотова (Лит. газ., 1989, 23), само неполное, неточное владение им, квалифицируемое нередко в анкете как «читаю и перевожу со словарём» и приводящее, почти неизбежно, к массовому ограничению, упрощению, если не к искажению.

Иначе говоря, комплементарность, дополнительность, служебная, хотя и житейски необходимая функция любого другого, кроме родного, языка непременно ведёт к большим или меньшим издержкам в этом языке. При слабом владении им и общей низкой речевой культуре возможно возникновение своего рода гибрида из изучаемого русского и родного языков.

Параллельно могут развиваться и процессы сверхсильного влияния доминирующего социально и политически языка на язык, который «подавлен» в данном обществе.

Английский язык заплатил за свою роль интернационального средства общения расслоением на языки-варианты. Впрочем, параллель условна, ибо тут речь шла не столько о втором языке и двуязычии, сколько о единственном языке, становящемся для всех родным. Историческая миссия русского языка как средства межнационального и международного общения по сути большая и высшая, чем некоего внутрисоюзного или мирового эсперанто. Будучи дополнительным к родным языкам народов, русский язык не покусается на функции национальных языков, не вторгается в сферы, традиционно обслуживаемые ими. Ключом к пониманию сосуществования родного и других языков, к изучению «разделения труда» между ними в условиях дву- и многоязычия выступает в определённой мере концепция «языковой личности», теории билингвизма и типов двуязычия.

Тут кстати упомянуть и весьма разное отношение носителей языка как родного к полноте и совершенству речи на нём иноязычных людей. Британцы и тем более американцы легко «переносят» чужеродный акцент, вроде бы не замечая его, пока он не искажает коммуникативного акта, не мешает пониманию смысла речи. Французы же, напротив, весьма чувствительны к искажениям своего языка.

Показательно и отношение носителей русского языка к различным речевым проявлениям в условиях национально-русского двуязычия. Русский обычно не «подтягивает» собеседника до своего уровня, старается сам упрощать речь, причём тем решительнее, чем хуже говорит по-русски собеседник. Разумеется, тут в значительной мере вопрос социально-психологический, связанный с воспитанием языковой терпимости как одного из важных составляющих в межнациональных отношениях вообще. Неполное владение тем или иным языком в его интернациональной функции может осложнять межнациональные межличностные отношения, особенно когда накладывается на иные стереотипы и обстоятельства. Поэтому так важны поиски кон-

кретных способов согласования этнических самосознаний через согласие «языковых личностей».

Проблемы «языковой политики», «языкового строительства», «языкового планирования» сопрягаются с функционированием языка в интерлингвистическом смысле слова, с его применением в разных сферах и ситуациях общения, употреблением разными социально-языковыми коллективами, группами, отдельными личностями. Так, любой язык оказывается во власти средств массовой информации с их тотальным клишированием языка. Неизбежность и необходимость своеобразных словесных блоков и штампов для таких средств превращает их в «орудие особого типа речевой культуры».

Но первоначальное значение возвращается словам не просто, по-прежнему наблюдается культивация суконого газетного языка, неоправданное засилие иностранных слов, довольно безразличное отношение к ненормативным ударениям, грамматическим формам. В прессе и на телевидении сохраняется традиция давать понятиям разрушающие смысл определения. Например, *социализм* в нашей стране был *бюрократическим, государственным, авторитарным, деформированным* и так далее. Но ведь *бюрократический* (т.е. не демократический) социализм – это не социализм, это всё равно что *горячий лёд* или *холодный огонь*. Представительниц древнейшей профессии называют *женщинами группы повышенного риска* или почти ласкательно-покровительственно *путанами* и *интердевочками*. Продолжается приспособление языка к приукрашиванию негативных сторон жизни, отчего возникают слова и словосочетания *договорные цены* (хотя никто ни с кем не договаривался), *недовложения*, *товары повышенного спроса*, *воры в законе*, *криминальная* (ср. преступная) *зона* и др.

Особенно легко приживаются, тиражируются нарушения фонетических и грамматических норм. Достаточно вспомнить звучащие с трибуны Государственной Думы *резолуция вне'сена*, *микрофон вклю'чен*, *на'чать*, *за'няться* и т.д. Распространено пренебрежение управлением: *остановлюсь о важном вопросе*, *как оратор об этом указывает, подчеркнул о том, что*; неудач-

ные конструкции с двумя «О»: *постановление о сообщении... о мероприятиях* и др.

Всё это, свидетельствуя о безразличии к собственному смыслу слов, о небрежении к языку, к речевой культуре, способствует возникновению «обезжиренного и обезвоженного сурrogата», который как бы представляет за русский язык. Оно же порождает у «националов» обращение к своему родному языку как противостоящему этой беде живому началу и одновременно усиливает возможности иноязычного отрицательного влияния, образования того, что белорусы остроумно называли «трасянкой» (смесь сена и соломы), на которой нередко говорят не только в Белоруссии, но и в других республиках. «В процессе многосторонних общений, – замечает Н.Н. Скатов, – он (русский язык) проходит через тяжкое историческое испытание, как никакой другой отдаёт себя всем, примитивизируется, беднеет» (Лит. газ., 1989, 23).

Преувеличивать негативное влияние, разумеется, не следует, как не следует всегда видеть лишь порчу, загрязнение языка. Однако это влияние может быть существенным, когда попадает в слабую точку системы, где и без того есть колебания, вариативность. Важно ещё, что среди иноязычных носителей немало людей авторитетных, служащих образцом, в их речи даже неправильность может оказаться приемлемой и повторяться через механизм следования моде.

Осмысливая тезис о низкой речевой культуре как признаке духовного обнищания и о том, что только её подъём, внимание к языку обеспечит поступательное развитие, И.П. Друце говорил на I Съезде народных депутатов: «Всё началось с духовного обнищания. Я бы сказал – с духовной деградации. Причём она коснулась не только наших республик, она коснулась в равной степени и России. Русский язык пострадал не менее, чем пострадали наши национальные языки. Каждый культурный человек знает, что между русским языком Чехова и Толстого и нынешним русским языком... приблизительно такая же разница, как между рублём царской чеканки и нынешним бумажным рублём».

Языки международного и межнационального общения выделяются среди национальных языков спецификой общественных функций (они выполняют функции, национальным языкам не свойственные), связанных с корреляцией признаков «национальное – межнациональное – интернациональное». Проблему национального, специфического и интернационального, всеобщего нельзя не связать с проявлением коммуникативной, конструктивной (функция формулирования и формирования мысли), кумулятивной (язык как инструмент познания действительности) функций языка. Экспрессивная, эстетическая, поэтическая, номинативная, сигнальная, этническая и др. функции прочно увязаны с речью, а не столько с языком, и проявляются ситуативно. Именно в языковой ситуации происходит функциональное развитие языка. Посредническая функция языков вступает в определённые противоречия с предназначением сохранить национальное наследие, этническую культуру.

Межнациональное общение, даже когда его участниками с одной стороны выступают носители языка как родного, снижает национальную специфику, самобытность языка. Так называемая этноопределяющая функция оказывается несущественной, даже мешающей, нежелательной. Во втором языке люди крайне редко достигают уровня родного языка, ибо это противоречит нормальному ходу развития личности. Кроме особых случаев, когда, например, нерусский хочет выдать себя за русского, и не требуется, строго говоря, абсолютного владения языком, важно лишь, чтобы речевые особенности, акцент не мешали точной передаче смысла.

Выполнение любым языком «национальных функций» обычно сопровождается ослаблением самобытно-языковой образности, яркости и полноты национальных красок, малой идиоматичностью и повышением универсально-нейтрального начала в языковых конструкциях, композиции, отборе слов. Наиболее наглядно это проявляется в фонетических акцентах, более скрыто, но ещё существеннее – в семантической системе.

Именно на этих языковых измерениях основываются популярные сейчас интралингвистические теории «денационализа-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru